

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЭЙДЕТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (статья 2)

В.В. Ильин*, С.Н. Вишневская*, Е.В. Поддубная*, А.В. Тимофеев**

* Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга

**ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

Статья продолжает обсуждение классической гносеологической темы апперцепирующих матриц мысли, к каким относятся кластеры базовых метафор, семантических формантов, эвристических шаблонов, системных ментальных сверток, легислативных постулатов, реализующих предметно-содержательное, модельно-модальное стяжение в духе обнажения мирового значения – его смысла и бессмыслицы.

Ключевые слова: *концептуальная систематика, голономия мыследеятельности, категориальная идентификация.*

Смысловая экспозиция сущности. В стиле *ex tempore* речь идет не о композиционном, а экспозиционном структурообразовании, завязанном на мысль не от «чувственного впечатления», а от системы.

В визуальной репрезентации образ содержания поставляет формальный механизм – форма, – реставрируемый по композиционной формуле (получающий удостоверение в созерцании) порядок предметной связи.

В эйдетической репрезентации образ содержания поставляет генеративный механизм – воображение, – выводимый из понятия по экспозиционной формуле порядка смысловой связи, никакого созерцательного удостоверения не имеющий.

Перед нами гносеологически тонкий казус абстрактной версификации, возникающей вследствие включения продуктивной способности сознания – фантазии. Сомневаясь в содержательной основательности последней, Кант дисквалифицировал ее в качестве добропорядочной исследовательской способности. Кантовы сомнения отчасти беспорны – на фоне опыта гегельянства–шелленгианства, выродившего (фантастический) метод генерации знания из понятий в логомахию. Отчасти – оспариваемы – на фоне опыта интенсивной творческой теоретизации, дающей плодотворные результаты. Апеллируем лишь к абелевым, гиперэллиптическим интегралам, конечному полю Галуа, выявленной независимости континуум-гипотезы, легализованной истолковательной дихотомии «механизм – организм», конституирующей природоведческую сценографию в терминах «внешняя причинность – внутренняя целесообразность» и проч.

В наиболее резкой, отчетливой постановке наша проблема суть проблема пути порождающего процесса в познающем субъекте и способов контроля его созерцанием. В проблеме обособливаются два пласта.

Один – опоры, скрепы продуктивности. В свете уже высказанного положительная тематизация данного пласта вполне рельефна: базис продуктивных тенденций мыслительности – свободное комбинирование символических форм вне замыкания на «бытие», «реальность», «действительное существование»; глубоко мыслительным внутренним движением в посессиве – перебором возможностей на ассоциативной технике продуцируются понятия потенциально предметного в потенциальном мире.

Другой – роль созерцания в продуктивном процессе. Согласно заявленной нами линии, созерцание – не спутник, не агент производительно-плодотворной мыследеятельности. В бесплотном (не бесплодном!) царстве воображения, где человек уподобляется творцу, силой фантазии обретает могущество непомерное, какая-то проекция эйдетического на эстематическое не предусматривается. Последнее дополняет дихотомию «эстема–ноэма» дихотомией «мимезис–поэзис».

Мимезис как подражательная (по Аристотелю) духовная способность востребует подкрепляющей его созерцательности, в свою очередь питающейся организующей созерцание композиционной формулой. Эстезис завязан на мимезис в любом отсеке перцептивности. По методу индукции ранее опробованный оправдывающий довод в материале живописи пополним однопорядковым доводом в материале музыки. И здесь, и там завершающей инстанцией технологии усмотрения образосущности выступает наглядность, осязательность. В изобразительном творчестве таковое «усмотрение» детерминировано обслуживающими композиционную формулу метками-индексами. В музыкальном творчестве «усмотрение» проводится по сходному типу с тем лишь различием, что в роли инспирирующих меток-индексов пребывают не предметные, а звуко-рядные системы – со своим порядком обзора целого. Конкретно: реперной решеткой координат, на которую накладывается мелодия, являются гаммы, ритм и соответственно группировка ладов, задающая правила тяготений неустойчивых звуков к устойчивым; тоник, задающая правила значений элементов лада от звуковысотных отношений.

Иное дело – поэзис, – не подражательная, воспроизводительная, а созидательная, производительная способность, исходно не могущая иметь созерцаниеориентирующих инструкций. Ноэзис завязан на поэзис в творчески продуктивном отсеке когнитивности.

Композиционная формула в эстеме оптимизирует визуальную реконструкцию «существа дела» через приведение в единство многообразия воспринимаемого. Постичь в эстеме означает достичь «единства разнообразия»; достичь по реконструкции величины, порядка, пропорции, благозвучия и т.д. находящихся во взаимодействии деталей; постичь в эстеме означает подвести части под законосообразие целого, консолидировать отдельное в единое – правильное налаженное состояние, упорядоченное, последовательно приданное направление хода.

Высший принцип сочетания воедино в эстеме – композиционная формула, определяющая правило восприятия. Для живописи – канон изображения: распределение фигур, цветов, светотени и т.д. – визуальные (зримые) домини-

нанты и субдоминанты. Для музыки – канон звучания: распределение мелодических фраз, аккордов, мажорных и минорных трезвучий, высоты тонов, чередование тактов с ударением и без ударения, тем, ритмических движений и т.д. – визуальные (слышимые) доминанты и субдоминанты. Гармоничность целого в эстеме – композиционная организация, подводящая к формированию на основе принципа перцептивного распределения уяснения созерцаемой идеи.

Высший принцип сочетания воедино в ноэме – экспозиционная формула, определяющая правило кристаллизации смысла. Гармоничность целого в ноэме – экспозиционная организация, подводящая к формированию на основе принципа системы уяснения несозерцаемой идеи.

Сказанного достаточно для требуемых самых решительных выводов.

Классическая гносеология не проводила различия созерцательных–несозерцательных идей. Вследствие этого Кант выродил «идею» в трансцендентную ноуменалию; Гегель выродил ее в онтологически спекулятивную трансценденталию. Положительная предорганизуемая роль композиционной формулы в эстеме семантизировалась под фирмой «схемы», вводящей правило синтеза воображения в отношении предметных данностей и осуществляющей подгонку понятия под созерцание. Скажем: концепт «количество» опосредуется схемой «число», приписывающей абстрактному категориальному отношению осязаемую предметную определенность. Глубокий резон опосредствующей процедуры – конституирование материального статуса понятия, установление его значения, очерчивание денотата.

Тормозя движение мысли на акцентуации последнего, с предельной ясностью зафиксируем: установить предметное значение понятия (провести денотацию) означает перевести его в чувственно созерцаемую форму [5, с. 159, 160, 240] (что, кстати, и означает «понять», – неспособность прибегать к схемам в подведении понятий под перцепции есть признак отсутствия понимания).

Однако, как показывает опыт познания, разработка понятий не синхронизирована с выработкой обеспечивающих их денотацию схем, – и опусы неевклидовых геометрий, классической электродинамики, КГ, «темной материи» и т.п. – прекрасное тому свидетельство. Наивный реализм классической гносеологии (в том числе кантианства) состоит в допускаемой сцепке понятия с его предметной (и обязательно созерцаемой!) основой, в итоге влекущей неадекватную трактовку природы «идеи».

Идея либо созерцаема (как физикализируемый предмет евклидовой геометрии), и тогда она содержательна, научна; либо несозерцаема (как нефизикализируемые предметы рациональной психологии, космологии, теологии), и тогда она бессодержательна, ненаучна.

Между тем, по установленному, имеется два типа идей:

– эстематично-миметичные, конституированные уяснением порядка перцептивности по композиционной формуле; они созерцаемы (с облигатной поправкой: как демонстрировалось ранее, не все содержания восприятия равнообразно созерцаемы; правильно говорить о не всегда воплотимой тенденции к достижению этого);

– ноэматично-поэтичные, конституированные уяснением порядка когнитивности по экспозиционной формуле; они не созерцаемы.

Поскольку профессиональная озабоченность гносеологии не может неправомерно ограничиваться вниманием к одному виду идей (на фоне дискре-

дтации статуса другого их вида), обозначается перспектива наращивания теоретико-познавательного потенциала специализированным продумыванием природы несозерцаемых идей.

Последующие рассуждения фундируются весьма эвристичными соображениями

– Гегеля, отмечавшего характерную особенность пользования категориями в созерцаемом локале – домене нефундаментальной теории, – где опыт не выходит за пределы наглядности и где понятийные универсалии «понижаются в ранге, лишаются чести рассматриваться особо... обрекаются на то, чтобы служить в деле духовной выработки живого содержания», в создании и сообщении друг другу относящихся к нему представлений [2, с. 10];

– Шопенгауэра, подчеркивающего несовпадение понятия с реальным объектом и одновременно утрировавшего своеобразное «заступание» понятия на «место сущности вещей» [9, с. 60–61];

– Гуссерля, противопоставлявшего эмпирическое и эйдетическое созерцание («живое–неживое» запечатление самоценности первоисточника), визуальное и логическое представление смысла.

Общее руководящее кредо, вытекающее из данных соображений, – убеждение действенности смыслового «усмотрения», «схватывания» сущностного в постигающем (идеационном) взгляде, описываемом в терминах эйдетического созерцания, нацеленного на освоение не вещей (фактов), а смыслов несущих идей (концептуальных образов) (навязчивая аналогия: платоновские эйдосы).

Несомненная корреспондируемость высказываемого высказанному ранее Гуссерлем [4, с. 33] нюансируется (от отличия до принципиального расхождения) трактовкой приводных ремней «постигающего взгляда». Идущий вслед за Бергсоном Гуссерль буквально воспроизводит интуитивистскую платформу своего предшественника, напирая на «интуитивное» установление «основы вещей». Мы же отстаиваем позицию концептуально-логического удостоверения сущностного. Идеологически, следовательно, нас различает пропасть: фронтальная несхожесть понимания возведения сущего в мысль посредством чувственно-переживательного или рационально-уразумительного момента. По–нашему, твердо упорядоченный мыслительный образ оформляется не интуитивным, а концептуальным узнанием.

Еще раз: концептуальное идеационное узрение – эйдетическое созерцание, в отличие от созерцания эмпирического лишено черт живости, непосредственности, чувственной конкретности. Оно – абстрактно, опосредствованно, не визуализируемо; гносеологически представляет системный сверток сущностного, получаемый по механизму не композиции (принцип усмотрения), а экспозиции (принцип идеи).

Отметим: есть визуализируемое, устанавливаемое по композиционной формуле «сходство» выполнения полотен «Тайная вечеря», и есть невизуализируемое, устанавливаемое по экспозиционной формуле «сходство» между теориями групп и колец [6, с. 108]. В последнем случае в «сходстве» утрируются не перцептуализируемые метки-индексы, а концептуализируемые параллелизмы, имеющие адекватное содержательное представительство в суперабстрактных образах «симметрия», «подобие», «подобное преобразование», «подобная матрица», «жорданова матрица», «отображение», «замкнутое отображение», «многообразие» и т. п.

(Говоря строго, абстрактные эстетические «шедевры» типа «Черного квадрата» допускают прочтение не по композиционной, а по экспозиционной формуле. В таком случае апеллируют к композициям-инспирациям: Малевич на полном серьезе указывал на гегелевскую «Науку логики» как провокатор (дихотомия «бытия–небытия») его творения).

Эстетическая перспектива раскрывается визуализируемой, тогда как ноэтическая перспектива невизуализируемой образной обработкой. Созерцаемая чувственность – несозерцаемая понятийность... Трепет возвращающейся мысли обязывает расставить все точки над «i»; невыполненная мелодия на два голоса, в конце концов, должна быть выполнена. В свете данной задачи радиализуем лишь такие моменты.

1. Чувственность, перцептивность, эмоциональность, как таковая, лишена самоочевидных признаков элементарности; гносеологически представляет сложнейшее образование, наспигованное опосредствованиями, апперцепированиями, гештальтными отягощениями, стереотипизирующими присутствиями, семантизирующими тематизациями, версифицирующими фундированиями. «Чистое» восприятие – гносеологический фантом, теоретико-познавательное недоразумение. С позиций развертывания серьезной, плодотворной доктрины возведения сущего в мысль – ненужное – бесполезное и безосновательное допущение.

Аспект пластичности, относительной прозрачности (всегда имеющего анцестральные предтечи!) «живого» отображения – в эпицентре эволюционной когнитивистики, озабочивающейся осмыслением становления интеллекта от «досознательной» предметно-действенной (операциональной) стадии. Гносеология держит ее (стадию) под пристальным наблюдением, но *de facto* пространно о ней не высказывается. Причина вполне ясна: будучи художочной, творчески она не интересна; не может же гносеолог, в самом деле, строить работу на переборе характеристик в языке оственсивов «вот это». Как утверждалось, твердо упорядоченный осмыслительный образ оформляется не живым, а концептуизирующим зрением.

Процесс разнесения воспринимаемой предметности по категориальным сгущениям отменяет аргумент «чистоты», «живости», «непосредственности» прочувствуемой реальности, наполняет модель «созерцания» несозерцательным подтекстом. В более сложных случаях зарождения эстетических переживаний ни о каком созерцательном начале (даже в этом локале) речи быть не может. Тем более не может быть речи о нем в локале ноэмы: не имеющие вещных красок понятийные комплексы не созерцаемы.

2. Отчетливое понимание того, что познавательный опыт в каких-то или с каких-то точек выходит за пределы наглядности, в подключении совокупной истории вершения знания и ее рефлексии в теории не столько увлекает, сколько подводит к отрезвляющему: генерация суждений, не инспирированных непосредственно визуально оправдываемыми суждениями, ущербна в плоскости утраты положительного содержания. Именно вследствие этого и эмпирики, и рационалисты, и интуитивисты с разными вариациями и модуляциями предусматривали итоговую апелляцию к созерцанию как оселку предметной содержательности знания.

Что в итоге? Подобие антиномии: в отношении статуса знания созерцание получает, в отношении генезиса знания не получает положенного ему по праву признания.

3. Относясь к антиномиям как деструктивному моменту познания, интерпретируемому в качестве отрицательного генетива, – получение в каком-то процессе формально неразрешимого противоречия (парадокса) в качестве результата есть достаточное основание дискредитации природы процесса, – классическая гносеология с целью снятия затруднения опробовала трехпутку.

Первый путь: допущение особого категориального созерцания – от Платона до Гуссерля. Умопостигательное созерцание трансценденталий, отмечалось выше, – концептуально мистично; методологически темно; процедурно мутно.

Второй путь: придание (в философии тождества) категориальному потенциалу миротворящей силы – спекулятивная логомахия Гегеля–Шеллинга.

Третий путь: оправдание знания созерцательным эффектом с дисквалификацией «несозерцаемых» – получаемых «из идей» знаний – кантианство.

Неприемлемость первых двух путей не требует подробных комментариев по соображениям общеизвестным.

Неприемлемость третьего пути лишена признаков общеизвестности, но столь же очевидна. Суть в том, что чувственная созерцательность сама по себе не является единым и единственным источником знания. Дабы отсечь спекуляцию, Кант настаивал на обратном, предлагал довольно ущербную картину познания с завязанными на созерцание эмпирическими и категориальными синтезами, допускающими лишь экстенсивное расширение знания (посредством наращивания созерцаемого – предметного массива).

Однако же экстенсивное расширение не исчерпывает возможного прогресса знания; эвристически весьма ценный источник внутренней динамики знания через прибавление понятий по воображительной способности разума остался недооцененным. Аргумент к несостоятельности техники размышлять о вещах несозерцаемых – невизуализируемых – обрел непомерно большую, а главное – бездоказательную силу.

Как мы пытались показать, и внутри допускающей проекцию на созерцание эстемы, если брать художественный (эстетический) опыт, не все созерцаемо. К слову: нельзя созерцать литературные типы, возбуждающие их создание эстетические картины мира. Тот же Гончаров называл «Обломова» большой сказкой [3, с. 180]. Можно ли «созерцать» сказку? Вопрос риторический.

Далее. Расхожий кантов базовый довод: между двумя точками в одной плоскости проводится одна кратчайшая линия. Казалось бы, визуализируемое эвидентное утверждение при его продумывании утрачивает черты и визуализируемости, и эвидентности.

Озаботимся: что такое линия? Граница куска поверхности; траектория движущейся точки? В рамках элементарной геометрии данные трактовки не получают однозначных формулировок. Кантов подход корреспондирует созерцательно устанавливаемой (вне интуиционистских проблематизаций, влекущих совершенно иную тактику рассуждений) «прямой линии» (для интуиционизма несбыточной), которая – при выстраивании геометрии в опоре на «расстояние между точками пространства» – оказывается кратчайшим расстоянием между ними.

Концептуальными версификациями «прямой линии» выступают ее эйдетические образы:

– на плоскости (с модификациями): $Ax+By+C=0$, где A, B, C – любые константы, причем A, B одновременно не равны «0»;

– в пространстве (с модификациями):

а) под видом пересечения двух плоскостей:

$$\left. \begin{aligned} A_1x+B_1y+C_1z+D_1=0 \\ A_2x+B_2y+C_2z+D_2=0; \end{aligned} \right\}$$

б) под видом векторной формы:

$$(R_1N_1)+D_1=0, (R_1N_2)+D_2=0.$$

Если концепт «линия» исходно не ограничивать визуализируемой в евклидовом пространстве «прямой линией», дело проецируется как на отчетливо созерцаемые, так и отчетливо несозерцаемые контенты. Упомянем параметрические представления линии

– на плоскости уравнением вида $x=\varphi(t), y=\psi(t)$, где $\varphi(t), \psi(t)$ – произвольные функции, непрерывные на конечных или бесконечных интервалах Δ числовой оси t ;

– в трехмерном пространстве: $x=\varphi(t), y=\psi(t), z=\chi(t)$, где: $\varphi(t), \psi(t), \chi(t)$ – произвольные функции, непрерывные на каком-либо интервале;

– в произвольном топологическом пространстве $T: P=\varphi(t)$, где $\varphi(t)$ функция действительного переменного t , непрерывная на каком-либо интервале, отображаемая на точки пространства T .

При переходе от прямой линии – линии первого порядка – к линиям второго (эллипс, гипербола, парабола), третьего (декартов лист, кубическая парабола, офиурида, строфоида, трезубец и т.д.), четвертого (декартов овал, каппа, кардиоида, конхоида Никомеда, улитка Паскаля и т.д.), высших (кривая Ламе, синусоидальная спираль) порядков, трансцендентным (жест, квадратрикса, трактриса, узорная кривая, цепная линия, спирали, циклоиды и т.д.) линиям с какими бы то ни было ясными сближениями «прямызны» с «кратчайшим расстоянием между двумя точками пространства» можно распрощаться.

Тем более с этим можно распрощаться в эпизодах пространств более общего вида, где «прямая» трансформируется в «геодезическую» (в том числе представляющую «кратчайшую линию» на земной поверхности), характер которой описывается в терминах не евклидовой, но внутренней (развитой Гауссом) геометрии. Так, расстояние между двумя точками на поверхности уточняется здесь как «минимум длин кривых, лежащих на поверхности и соединяющих эти точки» [8, с. 123].

Кратчайшим расстоянием между двумя точками на поверхности может быть не прямая, – все зависит не от визуальных, а эйдетических конфигураций, подводящих к квалификации кантовых лобовых сцепок геометрических сценографий с созерцаемым порядком вещей в качестве легковесных, неоправданных; многообразие геометрических образов не может быть предвзято покрыто навязчиво универсализируемой линейчатой геометрией.

4. Понятие задается

– обобщением созерцаний (Другой вопрос – как? Достаточно ли созерцаний «прямых» для вывода канонических уравнений прямой Коши?);

– свободной ассоциативно-тропной, аутопозисной вообразительной игрой ума (Кант с присущей ему упорной настойчивостью, если не сказать нарочитостью, вменял силе воображения исключительно объединение разнообразия в созерцании. Напротив – следует идти дальше, не ограничивая дан-

ным видом деятельности универсальную конструктивную духовную способность).

Эстетические и нозетические понятия имеют разный тип реконструктивной репрезентации. Способом идентификации внутреннего принципа созерцаемых сущностей в эстеме является композиционная формула; в ноземе и нестандартных эстетических образованиях – экспозиционная формула, по-нашему, оказывающаяся инструментом забракованного Кантом познания не из визуализируемых чувственных, а невизуализированных идейных форм.

В изобразительном опыте радикализируются прозреваемые по композиционной формуле метки-индексы (семантизируемые точки схода, фигуры разных планов и т.д.) пространственной организации, упорядочивающие зрительные восприятия. В музыкальном опыте этой функцией озабочиваются ритмико-мелодические звуковые движения выражаемых чувств, организующие слуховые восприятия.

Без вариантов: перефразируя Маркса, душа в перцептивности чувствует себя подавленной под тяжестью массы *sense data*, а чувство подавленности есть начало благоговения [7, с. 33]; благоговения перед относящейся к объекту действительностью. В идейном опыте – «пустыня неизвестных сфер», никакой чувственностью души не связанная. Разгул стихийных сил концепционного моделирования реалити из относящейся к субъекту возможности высвобождает креативную способность души, предвосхищает грядущие зори, принципом порождения, организации которых может быть только питаемая воображением экспозиционная формула.

5. Экспозиционная формула обслуживает

– онтологически – не наличное, а недовоплощенное, невоплощенное, невоплотимое (сугубо виртуальное) бытие;

– гносеологически – не черпающее силу в материальной плоти созерцательное действительное, а лишенное данной силы в данной плоти развертываемое по предчувствующей, предвосхищающей фантазии модельное возможное.

Стихия экспозиционной формулы – стихия подразумеваемого, не скованного давлением (и благоговением) материи чувственного, стихия идейно породительного, реализующая созидание возможных миров по фактическому и логическому правдоподобию.

Гносеологическим фикс-пунктом выступает то, что предмет здесь не созерцается, он – мыслится.

Драться с тенями Вальхаллы и побеждать их в контексте лишенного созерцательных аксессуаров «чисто» мыслимого предмета позволяет оригинальность ассоциативной экипировки мыследеятельности. За оправданием аргумента лучше всего обратиться к примерам как правовому источнику позиции.

Потребность в задании более свободного (нежели поставляемого созерцанием) понятия на стадии «измышления» предметных связей в расширении фактуального *index veri* по воображению в одинаковой мере характеризует и искусство, и науку.

Искусство (локус нестандартной эстемы с атрофией композиционной формулы): написанная летом 1921 г. поэма Белого «Первое свидание» с потрясающими по предметной оригинальности, провидческими, проистекающими из достойных мотивов воображительного освоения фактического ресурсом поессива строками

Мир – рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой (?! – *Авт.*)
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой (! – *Авт.*)...

Наука: неоценимое богатство перемещения в посессив, вообразительным усилием расширение фактического: поддержание закона сохранения при выявлении дефицита энергии в исследовании β -распада допущением (1931 г. – Ферми) виновницы недостачи – нейтрино, экспериментально обнаруженной спустя десятилетие.

Аналогичное – для логического просмотра возможностей.

Искусство: конструирование новых форм привычного посредством выхода в модельное необычное: парабола (приложение); эллипс (приложение с недостатком); гиперболы (приложение с избытком); пародия – замена одного другим по технологии *als ob* и т.п.

Наука: фигурные – многоугольные, пирамидальные числа; сценографии действительности: механизм (Декарт) – организм (Шеллинг, Гете).

И там, и здесь – в экспозиции повсюду мысль не от «впечатления», а от «системы», не от «мира», а от «идеи», возбуждающих полет фантазии, инициирующих воображение. (Ср. у Анненского: «Фантастическое в народной поэзии... не находится в распоряжении певца, а владеет его воображением» [1, с. 209]).

Механизм экспозиционной формулы – механизм не созерцательной образности, а умопостигательной совершенности, захватывающей приписания значения, включение в смысл, выработку устоя отображения.

В отличие от канона композиционной формулы – канона подражательного мимезиса, – канон экспозиционной формулы – канон смыслового сотворения и его приятия – поэзиса.

Список литературы

1. Анненский И.Ф. Книга отражений. М.: Наука, 1979. 691 с.
2. Гегель Г.В. Ф. Сочинения: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1937. Т. 5. 814 с.
3. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. 576 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
6. Курош А.Г. Лекции по общей алгебре. М.: Наука, 1973. 400 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Гос. изд. полит. лит., 1955. Т. 1. 696 с.
8. Математический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1988. 847 с.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: И.И. Кушнаревъ и Ко, 1900–1901. 552 с.

THE EPISTEMOLOGICAL NATURE OF EIDETIC REPRESENTATION (PART 2)

V.V. Ilyin*, S.N. Vishnevskaya*, E.V. Poddubnaya*, A.V. Timofeev**

*MGTU named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga

** Samara National Reserch University

This article continues the discussion of the classical epistemological topic of apperception thought matrices including clusters of basic metaphors, semantic formants, heuristic patterns, system mental parcels, legislative tenets that implement the substance, model-modal production in the spirit of the world global significance – its meaning and meaninglessness.

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии, Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

ВИШНЕВСКАЯ Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

ПОДДУБНАЯ Екатерина Викторовна – ст. преподаватель кафедры истории и философии Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: poddubnaya@mail.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD, Prof., Head of the Department of History and philosophy of the Bauman Moscow State Technical University (Kaluga Branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

VISHNEVSKAYA Svetlana Nikolaevna – PhD, Assoc. professor of History and philosophy department of the Bauman Moscow State Technical University (Kaluga Branch), Kaluga. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

PODDUBNAYA Ekaterina Victorovna – Senior lecturer of the Department of History and philosophy of the Bauman Moscow State Technical University (Kaluga Branch), Kaluga. E-mail: poddubnaya@mail.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – PhD (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara National Research University. E-mail: timofeev av@list.ru